Феликс не может припомнить, чтобы когда-либо была в месте, которое ощущалось бы так. Храм большой, она это прекрасно знает. Звук отдавался странным эхом, когда они вошли несколько минут назад, и даже в этой комнате, очевидно, много места. Проблема в том, что всё, что она чувствует, довольно нечетко.

Обычно это происходит только тогда, когда ей грустно, но она не грустит, даже если храм кажется печальным местом.

Обычно она избегает мест, которые вызывают уныние, хотя трудно понять, почему некоторые места такие. Здесь ещё и много гневных мест и мест, где воздух наполнен странным чувством, как будто что-то вот-вот выскочит и набросится на неё в любой момент.

Феликс всегда старалась держаться поближе к счастливым местам. Они намного облегчают жизнь.

Так что при обычных обстоятельствах её бы здесь не было.

Но Валерия привела её сюда, а Валерия милая. За несколько дней она дала Феликс больше еды, чем Феликс съела за весь прошлый месяц, и хотя Валерия может быть немного глупой, неуклюжей и пугающей, она, кажется, никогда не сделает ничего, что могло бы навредить Феликс, и это важно.

Конечно, самое главное — это обещание. Новые глаза. Способность видеть снова. Феликс не уверена, хочет ли она плакать, потому что она настолько счастлива, или это храм заставляет её чувствовать себя так.

Священник промывает ей глаза, а Феликс напрягается и пытается не закричать. Это больно, и неприятно чувствовать чужие руки на своем лице. Но он быстр, если не сказать большего. Боль не так уж сильна. Например, как поцарапать колени, убегая с куском хлеба. Она не может жаловаться, особенно когда чувствует, как мисс Валерия волнуется прямо рядом с ней.

Входит мужчина, и Валерия, посмотрев на что-то, дает ему несколько монет. Она переминается с ноги на ногу, когда делает это. Волнуется, думает Феликс.

Мисс Валерия беспокоится о Феликс так, как никто другой никогда не беспокоился. Это заставляет её хотеть улыбаться большую часть времени, хотя прямо сейчас она в основном думает, что это глупо.

В комнату входят три человека. Феликс едва может их видеть, воздух вокруг них очень размытый и нарушенный. Она может сказать, что двое из них — девочки, те, что по бокам, со стенами на лицах. Третья — это размытое пятно. Ни один из ветров Феликс не может достичь её.

Она никогда раньше не видела, чтобы кто-то так делал. Это странно, и ей это сразу же не нравится.

Вздох Валерии не помогает, как и звук, который издает женщина. Глубокий, жалобный всхлип. Феликс слышала, что мамы, которым приходилось класть своих детей в тележки для перевозки трупов, когда болезнь проносится по окрестностям, издавали то же самое. Это не очень приятный звук.

— Ох, о нет, — говорит женщина.

Затем руки обхватывают лицо Феликс, и все чувства, которые приносит ей её счастье, исчезают. Всё, что она может чувствовать, — это руки и одежда, свисающая с её плеч.

— Не двигайтесь и не волнуйтесь, — говорит одна из женщин в вуали, разговаривая с Валерией, как думает Феликс. — Позвольте жрице сделать свою работу.

Она собирается что-то сказать, хотя и не знает, что именно. Может быть, она скажет Валерии, что все в порядке.

Но то, что вырывается у нее изо рта, — это крик.

Боль.

Феликс и раньше кусали кошки и еноты, а однажды даже злая маленькая собачка. Укус вызывает странное жжение, особенно когда он разрывает кожу. Происходило то же самое, но в тысячу раз хуже.

Как будто миллион кошек схватили ее за голову, и все они по очереди кусают её вокруг глаз и в лицо. Она извивается, но её держат в железной хватке.

Нога Феликс замахивается в ударе, но кто-то ловит её, а затем её руки оказываются прижаты к бокам. Кто-то что-то говорит, но Феликс ничего не может разобрать из-за шума крови в ушах и волн боли.

Процесс причиняет все большую боль.

Она чувствует, как что-то извивается у нее на лице, и это напоминает ей о том, как однажды она поймала крысу голыми руками.

А потом, вот так просто, все кончилось. Боль ушла.

Женщина, которая так долго держала её лицо в руках, наклоняется к Феликс и крепко обнимает её. Она плачет, мокрые слезы текут по волосам Феликс и капают на её рубашку сзади.

— Мне жаль. Мне так жаль, — говорит женщина.

— Это сработало? — спрашивает Феликс.

Она протягивает руку и касается своего лица. Там что-то есть. Глаза.

А потом ещё один шок. Боль, но странная. Её веки все еще закрыты, но она может... видеть. Это красно-чёрное расплывчатое месиво, но она видит его так же хорошо, как в воспоминаниях, когда она могла видеть.

Дамы ещё немного суетятся вокруг неё, те, чьих лиц она всё ещё не чувствует, разглядывают её, а затем священник возвращается.

— Кажется, это сработало, хотя жрица измотана. Разве ты не хочешь открыть глаза? Она уверяет меня, что они работают, но не было никакой попытки проверить это, например, ну, воспользоваться ими.

— Нет, — говорит Феликс. — Где мисс Валерия?

— Минутку, — говорит он.

Феликс ёрзает на месте. На её лице мокрые слезы, поэтому она вытирает их. Слезы некрасивы, она знает. Чего она не знает, так это почему ей кажется, что она должна хорошо выглядеть для Валерии.

— Ох, я понимаю, — слышится голос мисс Валерии. Она кашляет, прочищая горло, и у Феликс создаётся впечатление, что она тоже плакала. — Просто... вы можете дать нам немного времени?

— Конечно, — говорит священник. — Это должно быть радостное событие, которого, благодаря моему призванию, я чувствую, что должен избегать. Потратьте столько времени, сколько вам нужно. Я буду неподалёку.

— Спасибо, — говорит мисс Валерия.

Дверь открывается, после чего закрывается.

Феликс пытается улыбнуться, и это даётся ей легко.

— У тебя есть глаза, — говорит Валерия. Она подходит ближе, маленькая девочка в капюшоне, который творит странные вещи с осязанием Феликс. Она вся такая мягкая. Упитанная девушка, как многие дворяне, но не толстая. — Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке, — говорит Феликс.

— Ты их открывала?

— Я… — Феликс колеблется, затем она говорит правду. — Я немного напугана.

Валерия смеётся, но это не злой, издевательский смех. Она протягивает руку, и Феликс берет её, хотя они соприкасаются кончиками пальцев и ощупывают их, прежде чем она успевает должным образом схватить руку. Мягкая. Валерия всегда мягкая. И к тому же неуклюжая.

— Хорошо, — говорит Феликс.

Она открывает глаза.

Все выглядит как размытый беспорядок.

— Эм, — говорит Феликс.

Есть цвета, формы и… она моргает. И немного боли. Свет очень яркий. Она моргает ещё несколько раз, и всё становится на свои места. Дверь, полки. Вещи, которые, как она знала, были там. Но краска на стенах, цвета плитки — всё это ново для неё.

Феликс ухмыляется и снова моргает. Затем она сосредотачивается на той, что находится прямо перед ней.

На неё больно смотреть. Свет в комнате слишком яркий, и ей кажется, что что-то всё время бьет ей в глаза, но она должна смотреть.

— Ох, блин, мой капюшон! — говорит Валерия.

Она отпускает Феликс, которая хихикает, пока Валерия возится со своим капюшоном.

Потом она видит свою подругу.

У Валерии круглое лицо, с небольшим подбородком и пухлыми щёчками. Под её очень бледной кожей есть вены, маленькие бугорки, которые выглядят… синими? Но больше привлекают внимание её глаза. Полностью чёрные, с большими красными кругами посередине. Её очки большие и круглые, и из-за них её глаза кажутся ещё шире.

Эти глаза должны выглядеть злыми, но у Валерии они большие и любопытные.

Феликс смеётся.

Щёки Валерии надуваются, губы — почти такие же бледные, как и все остальное — складываются в линию, а маленький носик морщится. Она надулась!

Феликс смеётся еще громче.

— На меня едва ли смешно смотреть! — говорит Валерия.

Феликс ничего не может с собой поделать. Она протягивает руку и обнимает Валерию.

— Да, это так! — говорит она со смешком.

В маленькой комнате дует ветер. Её ветер. Она может видеть! Цвета, формы и текстуры. Её глаза кажутся напряженными, сухими и колючими, но она может видеть!

— Спасибо! — кричит она.

Валерия тоже начинает смеяться. Она обнимает Феликс в ответ.

— Все в порядке!

— Ты лучший. Ты самая лучшая, мисс Валерия!

— Я едва ли…

— Ты такая! — настаивает Феликс.

Она оставляет большой небрежный поцелуй на щеках Валерии, затем изумленно смотрит, как те меняют цвет. Она и не знала, что щёки могут так делать! Это чудесно!

— Тебе следует дать отдых своим глазам. Они новые, но ты не должна злоупотреблять ими. У тебя болит голова?

— Так и есть, — восклицает Феликс. — Мне все равно.

— Не будь глупой! Я не смогу снова оплатить тебе новые глаза, если ты сломаешь эти.

Феликс едва может подавить следующий смешок. Это так тяжело, что у неё болит животик, и она чувствует себя такой слабой и шаткой. У нее есть глаза! И это благодаря Валерии.

— Не раздави меня, — жалуется Валерия, когда Феликс обнимает её ещё крепче.

— Нет, — отвечает Феликс. Она сделала бы всё для Валерии, но отпустить её не входит в этот список.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/75524/2407343